

УДК 811.114

Д.М. Плужникова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОМАТИЗМА ЛОБ

В ТВОРЧЕСТВЕ Б. АХМАДУЛИНОЙ

Плужникова Д.М.

ХУДОЖНЯ ІНТЕРПРЕТАЦІЯ СОМАТИЗМА ЛОБ У ТВОРЧОСТІ Б. АХМАДУЛІНОЇ

*Стаття містить аналіз та особливості вживання соматизму «лоб» у поетичній
творо-*

чості Белли Ахмадуліної. Описується функціональна роль соматизму у художньому тексті.

Ключові слова: соматизм, лоб, образ, символ, Ахмадуліна.

Плужникова Д.М.

*ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОМАТИЗМА ЛОБ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. АХМАДУ-
ЛИНОЙ*

*Статья содержит анализ и особенности употребления соматизма «лоб» в поэтическом
творчестве Беллы Ахмадулиной. Описывается функциональная роль соматизма в художественном
тексте.*

Ключевые слова: соматизм, лоб, образ, символ, Ахмадуллина.

Pluzhnikova D.M.

*ARTISTIC INTERPRETATION OF THE SOMATISM «FOREHEAD» IN LYRICS
BY*

B. AKHMADULINA

The article analyses the peculiarities of usage of the somatism “forehead” in Bella Akhmadullina’s

poetic works. The functional role of this somatism in literary text is described.

Keywords: somatism, forehead, representation, symbol, Akhmadullina.

Проект выполнен в рамках государственного задания НИУ “БелГУ” на 2013 г. (проект 6.8195.2013).

Хотя соматическая лексика вызывает к себе давний и устойчивый интерес учёных, вместе с тем исследованию некоторых конкретных слов-соматизмов внимания было уделено недостаточно. Таким соматизмом в контексте художественной литературы представляется нам соматизм ЛОБ. Некоторые упоминания об этом слове находим в работах Т.А. Бердниковой [2, с. 32], Т.В. Кулешовой [5, с. 102], Н.В. Павлович [6, с. 307-309], Е.А. Самоделовой [7, с. 307, 345-348]. Термин «соматический» введён Ф. Вакком, который рассматривал фразеологизмы эстонского языка с названиями частей человеческого тела и назвал их соматическими. В рамках научной традиции под соматизмами мы будем понимать все элементы строения тела человека.

В аспекте исследования соматической лексики на примере художественного текста интересным представляется творчество Беллы Ахмадулиной.

Методом сплошной выборки из стихотворений поэтессы нами было выделено десять доминирующих слов-соматизмов. Активность, частотность употребления проявилась следующим образом: ГЛАЗ – 172 употребления, РУКА – 164, ЛОБ – 136, ЛИЦО – 128, СЕРДЦЕ – 103, УСТА – 95, ЗРАЧОК – 85, СЛЕЗА – 83, ГОЛОВА – 64, ЛАДОНЬ – 57. Проанализируем установленные количества. Соматизм ЛОБ становится весьма типичным для поэтессы и занимает одну из лидирующих позиций Б. Ахмадулина акцентирует внимание на поэтически слабо освоенном в традиционной литературе соматизме и ставит его в один ряд с базовыми ГЛАЗОМ и РУКОЙ. Позади оказываются устойчивые для русской поэзии ЛИЦО, СЕРДЦЕ, УСТА, ЗРАЧОК, СЛЕЗА, ГОЛОВА и ЛАДОНЬ. Высокая частотность соматизма ЛОБ – показатель значимости образа, который становится символом одарённости и гениальности поэта, его отличительной «меткой»: *Лоб и певческим выгибом шеи, / о, как я не похожа на всех. / Я люблю эту мету несходства («Это я...»).*

Слово-соматизм ЛОБ у Беллы Ахмадулиной несёт большую смысловую нагрузку. Значения символа варьируются в различных контекстах. Интересен ЛОБ – АМФОРА [6, с. 308]: *Всяк спящий в доме был чему-то автор, / но ослабел для совершенства сна, / из глуби лобов, как из отверстых амфор, / рассеивалась спрёстость ремесла («Описание ночи»); САДОВНИК-ЛОБ: Неожелал ответить на вопрос / садовник-лоб, имеющий в виду / вот этих строк невзрачное рас-*

тение («Я возжигала в полночь две свечи...»). Часто в лирике Б. Ахмадулиной ЛОБ ассоциируется с мощью, значимостью, силой: *Вдруг возгорелась вкрапленная гранита: смотрел на солнце великанский лоб («Темнеет в полночь и светает вскоре...»); Да, зеленью под сильной кручей лба, / как и сказал, он был прельщён («Черёмуха трёхдневная»). Вместе с тем образ ЛБА предстает «прилежным», «коротким», «смирным», «утомлённым», «усталым», «безутешным». Но кроткого, смиренного лба простота / пугает предчувствием сложным и грустным («Гостить у художника»); Быть может, выпадет мне милость: / равнинны проглянутся вид / и всё, чему в ночи молилась, / усталый лоб благословит («Люблю ночные промедления...»). Две крайности – могущество и слабость – могут быть сосредоточены в контексте одного четверостишия: *Он закричал: – Грешна моя судьба! / Не гений я! И, стало быть, впustую, / гордясь огромной выпуклостью лба, / лелеял я лишь опухоль слепую! («Плохая весна»).**

Соматизм ЛОБ неразрывно связан с темой творчества. *Что за труд – бег руки вдоль стола? / Это отвых, награба за мэку, / когда тёменою тяжестью лба / упираешься в правую руку («Не писать о грозе»); Пустует лоб, слабеет локоть, / до воскресенья – пять минут. / Успеет ли пера неловкость / нелёгкость спешки обмануть? («Пуговица в китайской чашке»).*

В народном представлении ЛОБ является непременным атрибутом ума человека, выступает синонимом ГОЛОВЫ и МОЗГА человека. Способность / неспособность мыслить создаёт образ, подкрепляемый системой художественных средств, что позволяет выстроить оппозиции: *труд – лень; озарение – пустота. Приведём соответствующие примеры. Над непосильным подвигом разгадки / трудился лоб, а разгадать не мог («Приключение в антикварном магазине»); Мой лоб пустынен и ленив («Привёл паломник Иерусалима...»); Перо воспишет, звуки воспоют, / лоб озарится измышеньем новым («Наслаждения в Куоккале»); Скудный лоб иссяк («Так запрокинут лоб, отозванный от яви...»).*

Как экспрессивное средство слово-соматизм часто выступает в сопряжении с целым рядом других экспрессивных средств, в частности с интертекстами. В контексте вербализации соматизмов нередко угадываются литературные перепевы с текстами современников и предшественников Б. Ахмадулиной. *Процай! Процай! Со лба*

сопту / воспоминанье («Помысел о Прусте»). Лексическое окружение соматизма отсылает нас к строкам Марины Цветаевой: *В лоб целовать – память стереть. / В лоб целую* («В лоб целовать – заботу стереть...»). На сходство указывает общий глагольный компонент СТЕРЕТЬ, пара однокоренных синонимов ВОСПОМИНАНИЕ – ПАМЯТЬ, лексема ЛОБ.

Выше мы говорили об ассоциативном представлении ЛБА с мозцем и силой. В поэтических текстах Беллы Ахмадулиной эта мысль подтверждается бинарностью, раздвоенностью соматизма, что предает ему дополнительную значимость: *Добывшая двугорбием ума / тоску и непомерность превосходства, / она насквозь минует терема / всемирного бездомья и сиротства* («Биографическая справка»); *Два мрачных исподлобья сведены / в неразрешимой враждебной встрече* («Уроки музыки»); Я видывала эту бледность: / двогненную темь во лбу, / свирепой проголоди бедность / и рыцарскую худобу («Он и я»).

Отдельную группу составляют пары контактирующих соматизмов. Здесь выделяются однородные употребления: *рука и лоб, лоб и ладони, лоб и чёлка, ноги и лоб, глаз и лоб*. Контактное расположение слов-соматизмов в поэтической строфе наделяет их не только анатомическими характеристиками, но и символическими [10, с. 48]: *Марка святого прошу: да простит меня свет заоконный / за – моё. За – запёкшийся лоб, за – ладонь. / Лбом опершишь о ладонь, лбом сквозь ладонь, вижу траур гондолы* («Траурана гондола»), *И гений / лба застенчиво завишен чёлкой* («В том времени, где и злодеи...»); Так наш дух к расточительству жаден: / мы возносимся, падая ниц, / чтоб взглянуть на певца с обожаньем / и к ногам его лоб уронить («Посвящения Нани»). У поэтессы встречаются и более развернутые однородные ряды, триады соматизмов, причём расположженность составляющих их членов весьма креатива [10, с. 48]: *В дверь, впопыхах, три девушки скакнули. / Две первые пригожи, хоть грубы. / Содеяли уроки физкультуры / их наливные руки, плечи, лбы* («Где Питкяранта? Житель питкярантский...»); *Не верьте им, что кружева и чёлка. / Под чёлкой – лоб. Под кружевами – хвост* («Теперь о тех, чьи детские портреты...»).

Некоторые исследователи отмечают устойчивый интерес поэтессы к устаревшей и окказиональной лексике, которая обладает яркой экспрессивностью и образностью, формируя особый авторский стиль [4, с. 55–58; 9, с. 81–93]. В этом аспекте представляют интерес соматизмы ЧЕЛО (15 употреблений) и ИСПОДЛОБЬЕ (3 употребления). *Мысль метафоры: власть над ни с чем не сравнимым – / в исподлобье замкнув, до утра*

донесу

(«Хвойная хвороба»). Аграмматизм ИСПОДЛОБЬЕ выступает в роли головы, мозга, «вместилища» мыслей. Архаизм ЧЕЛО вербализуется в «бытовой», приземлённой ситуации: *Ах, мало мне другой заботы, / обременяющей чело, – / мне маленькие самолёты / всё сняться, не пойму с чего* («Маленькие самолёты»), либо связан с чем-то таинственным, сакральным: *Покоен том, кто истину постиг. / Тот, чёлко опалено заране, / быть не умеет праведно простым / и не мечтает об утешном рае* («Блаженство бытия»). Ситуация употребления архаизма подкрепляется лексическим окружением соматизма: «ах», «заботы», «не пойму с чего»; «покоен», «истина», «постиг», «заране», «праведно», «утешный рай». Интересным представляется следующий пример: *Лоб – изыскатель новшества, / в потылице – хранится архаизм* («Прегрешения вольны и невольны»). Бинарная оппозиция ЛОБ – ПОТЫЛИЦА (ЗАТЫЛОК) сопряжена с амбивалентными понятиями НОВШЕСТВО – АРХАИЗМ. В данном контексте ЛОБ – то, что смотрит вперёд, обращено в будущее, стремится к новому, ЗАТЫЛОК – хранящему прошлого, того, что забыто. Устаревшая лексика обладает богатым экспрессивным потенциалом, придавая художественному тексту неповторимую окраску: *Лоб – озоратель бездн, луны анахорет – / пал ниц и возлежит. Ладонь – его носитель. / Под заумью его не устоят хребет* («Так запрокинут лоб, отозванный от яви...»). Оттенок книжности усиливается перифразическими сочетаниями «озоратель бездн, луны анахорет». Иносказания, окказионализмы и историзмы придают поэтической речи изысканность и утонченность, возвышенность и пафосность. Это ещё одно подтверждение уникальной языковой личности Беллы Ахмадулиной.

Ещё одной особенностью функционирования соматизма ЛОБ является его привлечение в контексте поэтизации болезней человека: *Давно уже в ангине, только ожил / от жара лоб* («Семья и быт»); *Меня – набег недуга полонил. / Всю ночь во лбу неслось и полыхало* («Одевание ребёнка»).

Большой корпус стихотворений связан со стихией огня. «В представлениях древних славян стихия огня делилась на два вида огня: огонь ‘творческий, созидающий’ и ‘огонь мертвящий, разрушающий’» [8, с. 211]. Ассоциации, возникающие с очищающей, творящей или разрушающей функцией огня, «переносятся на некоторые характеристики ‘внутреннего человека’» [8, с. 212]: *Приняв на лоб приём огня / небесного, он от меня / всё дальше и – исчезнет скоро («Путник»); ... когда полна значенья тьма, / ожог во лбу от выдумки неточной («Ночь»); Но лоб склоню – и опалит ладони / сиротства высочайший ореол («Подражание»).*

Традиционный образ поцелуя в лоб также находит место в текстах Беллы Ахмадулиной и связан с божественным даром, «небесным поощрением», «благодатью», «милостью». *Была так неизбежна благодать / и так близка большая ласка Бога, / что прядь со лба – чтоб легче целовать – / я убирала и спала глубоко* («Случилось так, что двадцати семи...»); Ещё пишет: *отвыюжило, отмглилось, / Оке наскучил закадычный лёд, / но в это время чья-то власть и милость / «Спи!» – говорит и мой целует лоб* («Милость пространства. 10 марта»).

Рассматриваемый соматизм нередко входит в состав фразеологизмов (примерно 20% от общего числа соматических фразеологизмов). Б. Ахмадулина с уважением относится к фразеологическому фонду языка, и многие формы использует в их узульном значении. Однако поэтесса часто прибегает к разнообразным приёмам их трансформации. В большинстве зафиксированных случаев ЛОБ сочетается с именем существительным ПЯДЬ, старинной мерой длины. Узнаваемая поговорка *семи пядей во лбу* реализуется различными способами. Например, значение фразеологизма ‘об очень умном, мудром человеке’ усиливается приставкой *над-* со значением превосходства (сверх чего-нибудь): *Строй горла ярко наг и выдан пульсом пенья / и высоко над ним – лба над-седьмая пядь* («Ларец и ключ»). Гиперболизирует экспрессию графическое выделение приставки дефисом и конкретизация локальности *высоко над ним*, которую можно трактовать двояко: и как «место расположения» лба по отношению к горлу, и как интеллектуальное превосходство.

Значение преобладания может достигаться путем замены компонентов фразеологизма: имени числительного *семь* на *девять*. Число *семь* является знаковым для русской культуры, что находит подтверждение в большом количестве устойчивых выражений: *семеро по лавкам, на семи ветрах, семь смертных грехов, ругаться в семь этажей, седьмая вода на киселе, до седьмого пота, на седьмом небе, семимильными шагами, семь потов сошло, семи пятниц на неделе, за семью замками, книга за семью печатями* и др. У Б. Ахмадулиной читаем: *Лбом в девять пядей помнить девять эвров!* («Памяти Симона Чиковани»). Семь пядей – образ интеллектуального могущества – заменяется числом девять – символом полноты и совершенства.

Интересным представляется пример трансформации фразеологизма *мороз по коже*. Лексема КОЖА заменяется соматизмами ЛОБ и ЛОПАТКИ: *Какой мороз во лбу! Какой в лопатках ужас!* («Вздохи на сцену»). Значение страха, испуга верbalизуется именем существительным *ужас*. Любопытно, что в отличие от исходной формы фразеологизма, это воздействие (*мороз*) не

внешнее – *по коже*, а внутреннее – *во лбу, в лопатках*, «что подчёркивает степень проявления чувства» [2, с. 32].

Устойчивое выражение в контексте художественного произведения может восприниматься буквально, получать новое, подчас ироническое переосмысление: ... что делать с этим неуместным лбом? / Где быть ему, как не на месте лбом? («Биографическая справка»).

Следует отметить, что обращение к образу-символу ЛОБ в поэзии Беллы Ахмадулиной проходит через всё творчество. При этом численный состав соматизма в пределах одного стихотворения различен, и может доходить до 5-7 употреблений («Я возложила в полночь две свечи...», «Траурная гондола»). – Что это, что? – Спи, это жар во лбу. / – Чьему же лбу такое пламя впору? / Кто сей со лбом и мыслию лба: веду / льва в поводу и поднимаюсь в гору? / – Не дать ли льда изнеможденью лба? / – Того ли лба, чья знала дальновидность, / где ватуны возвигнут в память льда: / де, чти, простак, праматерь ледовитость? / – Испей воды и не оттла гори. / Всё хорошо. Вот склянки, вот облатки. / – Со лбом и львом уже вверху горы: / клубится грифа и сверкают латы («– Что это, что? – Спи, это жар во лбу...»).

Можно заключить, что своеобразие стиля Беллы Ахмадулиной ярко проявляется при рассмотрении всего лишь одного соматизма ЛОБ. Способы его включения в поэтический текст достаточно разнообразны и интересны: системы образов, интертекстуемы, контактное расположение слов-соматизмов, устаревшая и окказиональная лексика, образные перифразы, поэтизация болезней человека, фразеологии и др. Прибегая к соматической лексике, поэтесса расширяет привычное значение, способствуя увеличению информативной ёмкости образного контекста, углубляя ассоциативную мощь слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулина Б.А. Полное собрание сочинений в одном томе / Б.А. Ахмадулина. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. – 856 с.
2. Бердникова Т.А. О структуре и семантике фразеологических единиц с компонентом-соматизмом (на материале архангельских говоров) / Т.А. Бердникова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 28-34.
3. Борисова Л.П. Языковые реализации концепта уноуха ‘кость’ в якутском языке / Л.П. Борисова // Язык и ментальность: сборник статей / Отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. – С. 377-382.
4. Диневич И.А., Оразова Н.О. Архаизмы и историзмы в поэзии Б. Ахмадулиной /И.А. Дине-

вич, Н.О. Оразова // Языки и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве: Материалы I Международной научно-практической конференции школьников и студентов. 25 января 2010 года / Науч. ред. Боженкова-Р.К.. – Курск: КурскГТУ, 2010. – С.55-58.

5. Кулешова Т.В. Символика границы в творчестве М. Цветаевой / Т.В. Кулешова // Культура народов Причерноморья: Научный журнал. – Симферополь, 2006. – № 92. – С. 102-105.

6. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII-XX веков. В 2 т. Т. 2. Изд. 2-е, стереотипное / Н.В. Павлович. – М.: Эдиториал УРСС, 2007. – С. 307-309.

7. Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина: Авторский жизнетекст на перекрестье культурных традиций / Е.А. Самоделова. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 920 с.

8. Сергеева Н.М. Концепт *мозг*: понятийный и образный компоненты / Н.М. Сергеева // Концептуальные сферы «МИР» и «ЧЕЛОВЕК»: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 202-218.

9. Чернухина И.Я. Окказионализмы и мировосприятие поэта: (на материале лирики Б. Ахмадулиной) / И.Я. Чернухина // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ин-та, 1995. – С. 81-93.

10. Харченко В.К., Плужникова Д.М. Соматизмы в поэзии Беллы Ахмадулиной / В.К. Харченко, Д.М. Плужникова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – Белгород: Изд-во ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – № 24 (119). – Вып. 12. – С. 44-50.